В Диссертационный совет ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ
официального оппонента
по диссертации Герасименко Юлии Андреевны
«Правовые нормы-оговорки в российском законодательстве» по специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки, представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук, выполненную в Южно-Российском институте управления – филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Актуальность темы диссертационного исследования. Современное российское законодательство находится в состоянии перманентной и при этом — максимально интенсивной трансформации. Динамика общественных отношений, усложнение экономических процессов, цифровизация государственных услуг и беспрецедентное санкционное давление коллективного Запада объективно требуют от органов правотворчества поиска новых, гибких, но при этом научно обоснованных инструментов правового регулирования. В этих условиях традиционные, жестко формализованные правовые предписания зачастую оказываются неспособными адекватно реагировать на многообразие жизненных казусов, что неизбежно ведет к появлению в тексте нормативных правовых актов специальных конструкций — норм-оговорок.

Как справедливо отмечает соискатель, подобные конструкции, содержащие уточнения, изъятия или дополнения к базовый правилам поведения, присутствуют практически в каждом правовом акте, однако

до настоящего времени они не стали предметом самостоятельного, комплексного общетеоретического исследования. Кроме того, актуальность исследования Ю.А. Герасименко многогранна и раскрывается в нескольких взаимосвязанных проекциях, каждая из которых придает работе особое научное и практическое звучание.

В *теоретико-доктринальной проекции* тема исследования отвечает на давно назревший запрос юридической науки. Теоретическая непроработанность феномена «норма-оговорка» создает серьезный пробел в отечественной доктрине. Отсутствие единой концепции, раскрывающей сущность норм-оговорок, их место в системе правовых норм и критерии классификации, порождает методологическую неопределенность при их интерпретации. Это, в свою очередь, ведет к юридическим коллизиям и ошибкам в правоприменительной практике, снижает предсказуемость юридических последствий и подрывает доверие граждан к правовой системе. Особенно остро проблема стоит в отношении латентных норм-оговорок и конструкций с оценочными категориями («в иных случаях», «как правило»), которые требуют от правоприменителя широкого субъективного усмотрения.

В *практической проекции* востребованность исследования обусловлена устойчивыми тенденциями к возникновению юридических коллизий, детерминированных неоднозначным толкованием оговорочных конструкций. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно сталкивался с необходимостью разрешать споры, вызванные различным пониманием норм-оговорок с оценочными категориями. Подобная нестабильность формирует коррупциогенные факторы, поскольку именно в «серых зонах» оценочных категорий чаще всего возникают риски злоупотребления правом.

В *социально-гуманитарной и цивилизационной проекции* актуальность исследования приобретает особое звучание в контексте проводимой государством политики по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Нормы-оговорки выступают не просто техническим

приемом, но и индикатором зрелости правотворческих компетенций государства, инструментом реализации конституционных ценностей. Через конструкции «при наличии исключительных личных обстоятельств» или «уважительных причин» обеспечивается гуманизация правоприменения, учитывающая индивидуальные особенности участников правоотношений. Более того, именно нормы-оговорки позволяют законодателю проводить цивилизационный суверенитет в ткань правового регулирования: достаточно вспомнить оговорку в части 2 статьи 6 Семейного кодекса РФ, устанавливающую изъятие из приоритета международных договоров в части их истолкования, противоречащего основам правопорядка и нравственности.

В *геополитической проекции*, в условиях продолжающегося санкционного давления и необходимости оперативной адаптации законодательства к меняющимся условиям, нормы-оговорки становятся важным средством достижения баланса между стабильностью правовой системы и ее адаптивностью. Сказанное демонстрирует потенциал норм-оговорок как механизма «точечной настройки» законодательства без его полной переработки, что особенно ценно в условиях ограниченных ресурсов правотворческой деятельности и необходимости быстрого реагирования на внешнеполитические вызовы.

Наконец, в *экономико-социальной проекции* качество жизни наших граждан напрямую зависит от научной обоснованности используемых правотворческих технологий. Разработка теоретической модели норм-оговорок, предложенная Ю.А. Герасименко, позволяет законодательным органам избежать типичных дефектов: дублирования, излишней абстрактности, латентной формы выражения, отсылок к несуществующим положениям. Внедрение предложенных автором методик обоснования целесообразности включения нормы-оговорки позволит минимизировать коллизии еще на этапе нормотворчества, что имеет прямое экономическое измерение, снижая издержки на последующее исправление правовых ошибок. Кроме того,

в условиях стремительного развития цифровых технологий, появления новых форм отношений (электронный документооборот, смарт-контракты, цифровые финансовые активы), нормы-оговорки приобретают дополнительное значение как инструмент обеспечения гибкости правового регулирования без необходимости постоянного внесения изменений в базовые нормативные акты.

Таким образом, актуальность исследования не вызывает сомнений. Она подтверждается как фундаментальными потребностями юридической науки, так и насущными запросами правотворческой и правоприменительной практики. В условиях, когда эффективность правового регулирования напрямую зависит от точности и определенности нормативных предписаний, разработка методологии интерпретации и реализации норм-оговорок, осуществленная Ю.А. Герасименко, приобретает особую практическую значимость. Сказанное в полной мере подтверждает высокую актуальность выбранной темы, ее значимость для новых общественных отношений и безусловную востребованность как в теоретическом, так и в практическом плане.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, подтверждается верно избранной методологией исследования, глубокой проработкой теоретической, нормативной базы и эмпирической составляющей. Диссертант демонстрирует уверенное владение современным категориальным аппаратом теории права и государства, умение работать с разнообразными источниками информации. Методологический инструментарий исследования отличается широтой и обоснованностью применения. Генеральным выступил диалектико-материалистический подход, позволивший раскрыть качественные элементы нормы-оговорки через структурное расчленение. Метод системного анализа был использован для аргументации концепта о норме-оговорке как самостоятельном структурном компоненте системы норм российского права. Исторический метод применен системно и многоаспектно: от хронологического

анализа развития технико-юридических форм закрепления оговорок (от древнерусского права с лексемами «аже», «аче будетъ» до феодального законодательства) до генетического анализа связи современных норм-оговорок с историческим феноменом оговорки в международном праве. Формально-юридический и сравнительно-правовой методы позволили дефинировать норму-оговорку и разграничить ее со смежными правовыми феноменами (отсылками, примечаниями, техническими нормами). Статистический и информационно-аналитический методы обеспечили подкрепление теоретических выводов эмпирическими данными о распространенности и дефектах технико-юридического закрепления оговорок. Эмпирическая база исследования репрезентативна и включает акты Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, обширный массив федерального и регионального законодательства, а также правоприменительную практику.

Диссертационное исследование Ю.А. Герасименко характеризуется продуманной и логически выверенной структурой, которая обеспечивает системное изложение научного материала. Работа построена по классической концепции научного труда и включает введение, две главы, состоящие из шести параграфов, заключение и список литературы. Такая архитектура позволяет последовательно раскрыть тему от общих теоретико-правовых предпосылок к конкретным механизмам технико-юридической реализации и проблемам эффективности.

В первой главе «Общетеоретическая характеристика правовых норм-оговорок в российском законодательстве» автор формулирует теоретический фундамент исследования. В параграфе 1.1 диссертант осуществляет глубокий семантический и юридический анализ понятия нормы-оговорки. Особого внимания заслуживает критический анализ существующих в доктрине подходов. Автор справедливо полемизирует с позицией И.Д. Шутака, рассматривавшего оговорку как «особую индивидуальную правовую норму» или средство создания «нового правового режима». Ю.А. Герасименко

аргументированно доказывает, что норма-оговорка не является индивидуальным предписанием, поскольку регулирует узкие, видовые, но постоянно повторяющиеся общественные отношения, и не создает нового правового режима, а лишь корректирует существующий, опираясь на базовое предписание. Соискатель убедительно доказывает акцессорный характер нормы-оговорки: она не существует автономно, а реализует свое воздействие в органическом единстве с основным предписанием. Предложенное авторское определение правовой нормы-оговорки как разновидности нормативного предписания, являющегося следствием специализации правил поведения, закрепляющего изъятия и/или дополнения и конкретизирующего данный процесс путем установления связи узкого предписания с базовой нормой, представляется научно обоснованным и теоретически емким (стр. 22-57).

В параграфе 1.2 автор раскрывает функциональную характеристику норм-оговорок, применяя структурно-функциональный подход. Диссертант выявляет многогранный потенциал данного феномена, выделяя тринадцать ключевых функций (стр. 63-73): от демонстрации юридической силы принципов права и гармонизации правовых и духовно-нравственных начал до компенсационной, оптимизационной, лимитирующей и функции устранения юридических коллизий. Нельзя не согласиться с тезисом автора о том, что норма-оговорка обеспечивает совмещение явно-выраженной стороны объективного права и его чувственной, рефлексивной составляющей. Через конструкции «при наличии уважительных причин» или «исключительных личных обстоятельств» обеспечивается гуманизация правоприменения, что особенно важно в условиях нестабильной внешнеполитической и экономической конъюнктуры. Норма-оговорка выступает не просто техническим приемом, но и индикатором зрелости правотворческих компетенций государства, инструментом реализации конституционных ценностей.

В параграфе 1.3 Ю.А. Герасименко предлагает многокритериальную классификацию норм-оговорок (стр. 85-100), что является несомненным

вкладом в теорию права. Автор классифицирует их по содержательной составляющей (общие и оценочные), по регламентируемому компоненту правоотношений, по виду правового статуса личности, по степени усложнения юридической конструкции (одинарные, двойные, множественные), по способу изложения (бланкетные, отсылочные, прямого выражения), по технологии специализации (постоянно действующие и экспериментальные), по внутренней характеристике (количественные и качественные), а также по оценке понимания (с внутренней и внешней оценкой). Предложенный подход позволяет преодолеть упрощенное восприятие оговорок исключительно как инструмента изъятия и раскрыть их потенциал как средства комплексной конкретизации и гармонизации правовых предписаний.

Вторая глава «Норма-оговорка как средство повышения качества законодательства и правоприменительной деятельности» посвящена технико-юридическим и прикладным аспектам исследования. В параграфе 2.1 автор проводит уникальный историко-правовой экскурс, прослеживая эволюцию лексических конструкций норм-оговорок от «Русской Правды» и Соборного Уложения 1649 года до судебных уставов XIX века и законодательства СССР (стр. 107-108, 109-110 и др.). Особый интерес представляет анализ использования наречия «вполне» в советском праве как крайне оценочной и дискреционной нормы-оговорки, что демонстрирует глубину исторического анализа соискателя (стр. 110). Диссертант исследует структуру нормы-оговорки через призму классической трехчленной конструкции (гипотеза, диспозиция, санкция), доказывая, что гипотеза может иметь магистральный или сложный характер, диспозиция ориентирует не только на права и обязанности, но и на элементы специального правового статуса (преимущества, ограничения), а санкция в большей степени выражена бланкетным способом. Автор также проводит четкое разграничение норм-оговорок со смежными явлениями: законодательными отсылками, техническими нормами,

презумпциями и фикциями, доказывая их содержательную и идеологическую уникальность.

Далее соискатель переходит к анализу дефектов интерпретации и реализации. Ю.А. Герасименко систематизирует дефекты технико-юридического закрепления в шесть типов: отсутствие необходимости, дублирование, излишняя абстрактность, отсутствие нормативного наполнения (отсылка к несуществующим положениям), латентная форма выражения и чрезмерность (стр. 137-141). Доказано, что преодоление этих дефектов требует соблюдения принципа монолитности нормативной конструкции. Автор также выявляет типы юридических коллизий, детерминированных неверной интерпретацией оговорок (прямые противоречия и латентные коллизии из-за нарушения иерархии норм). Предложенная автором процедура толкования норм-оговорок, включающая четыре последовательные интеллектуально-волевые операции (обоснование, объяснение/уточнение, конкретизация, детализация), представляет собой ценный алгоритм для правоприменителей, позволяющий минимизировать риски произвольного толкования оценочных категорий (стр. 167-169).

В параграфе 2.3 автор формулирует пути повышения эффективности закрепления и реализации норм-оговорок. Особую практическую ценность представляет предложение по внедрению точечного мониторинга правоприменения как самостоятельной разновидности оценки эффективности отдельных конструкций нормативных предписаний (стр. 175). Автор обосновывает необходимость трехуровневой системы гарантий реализации норм-оговорок (воспитательные, организационно-материальные, специально-юридические), что напрямую коррелирует с минимизацией коррупционных рисков и повышением качества нормотворчества.

Достоверность и новизна положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, не вызывают сомнений. Научная новизна исследования заключается в том, что оно является одним из первых

в отечественной доктрине комплексных общетеоретических исследований правовых норм-оговорок. К основным положениям, выносимым на защиту, и отражающим новизну, относятся:

– авторское определение правовой нормы-оговорки, раскрывающее ее сущность через акцессорный характер регулирования и связь узкого предписания с базовой нормой;

– обоснование многогранного функционального назначения норм-оговорок, включающего тринадцать функций, среди которых особое место занимают функции демонстрации юридической силы принципов права, гармонизации правовых и нравственных начал, компенсации и устранения коллизий;

– многокритериальная классификация норм-оговорок, позволяющая раскрыть их потенциал как средства комплексной конкретизации и дифференциации правового регулирования;

– доказательство институционального потенциала норм-оговорок, выражающегося в особой структуре (сложная гипотеза, диспозиция, ориентирующая на элементы специального статуса, бланкетная санкция) и универсальности их применения ко всем структурным элементам нормативного акта.

Значение выводов и рекомендаций, полученных в диссертации, для науки и практики. *Теоретическая значимость* работы состоит в позиционировании нормы-оговорки как итога специализации и индивидуализации законодательства, что углубляет знания о нормативном правовом акте и средствах юридической техники. *Практическая значимость* обусловлена направленностью исследования на решение актуальных задач совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности. Разработанная методология технико-юридического оформления норм-оговорок и система критериев допустимости их использования позволят законодательным органам избежать типичных дефектов. Выработанная

процедура толкования (из четырех операций) предоставляет судам и иным правоприменительным структурам алгоритм преодоления интерпретационных ошибок. Предложение по внедрению точечного мониторинга правоприменения имеет высокую практическую ценность для оперативного выявления и устранения дефектов в технико-юридическом оформлении без необходимости полной ревизии нормативного акта. Результаты исследования могут быть использованы в законотворческом процессе, при проведении антикоррупционной экспертизы, а также в учебном процессе при преподавании дисциплин «Теория государства и права», «Юридическая техника», «Правотворческая деятельность».

Без сомнения, следует с положительной стороны отметить **личный вклад соискателя в разработку научной проблемы, репрезентативность эмпирического материала, глубокую обоснованность научных положений**. Диссертант демонстрирует высокую культуру научного мышления, умение видеть проблему в широком контексте и находить нестандартные решения. Автор опирается на обширный массив литературы, включая труды классиков отечественной правовой мысли (Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, В.М. Баранов, А.Ф. Черданцев) и современных исследователей. Материалы диссертации в достаточной мере изложены в научных публикациях автора, включая статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ. Содержание автореферата полностью соответствует диссертации.

Отмечая в целом высокий научный уровень проведенного диссертационного исследования, нельзя не указать, что, как всякого рода работа творческого характера, она содержит отдельные погрешности, некоторые неточности и противоречия, спорные моменты, которые дают основания для научной дискуссии и требуют дополнительных пояснений от автора.

Первое. В диссертации утверждается, что санкция нормы-оговорки преимущественно выражена бланкетным способом, отсылая правоприменителя

к иным нормативным правовым актам (положение № 4, стр. 14). Вместе с тем, в теории права общепризнанным является положение о том, что бланкетная конструкция сама по себе не содержит завершенного правила поведения и нуждается в отсылке к другим нормам. Возникает вопрос: означает ли бланкетный характер санкции, что норма-оговорка по своей природе всегда является логически неполной нормой? Если да, то как это соотносится с тезисом автора о том, что норма-оговорка должна быть «внутренне единой, содержать в себе ясную и понятную, при этом законченную мысль законодателя» (с. 143)? Не вступает ли бланкетность санкции в концептуальное противоречие с требованием монолитности и завершенности нормативной конструкции, сформулированным автором в качестве ключевого принципа преодоления дефектов? Хотелось бы услышать от автора более развернутую позицию о том, как именно обеспечивается завершенность мысли законодателя в норме-оговорке, если ее санкция отсылает к внешним, зачастую подзаконным актам, которые могут быть изменены или отменены независимо от базовой нормы.

Второе. Автор справедливо критикует латентную форму выражения норм-оговорок (стр. 3-5, положение № 5, стр. 15), указывая на то, что скрытое использование уточнений без лексических сигнализаторов создает серьезные риски упущений правоприменения и возникновения правовых ошибок. Однако в работе не до конца четко проводится граница между «латентной нормой-оговоркой» и «правовым пробелом» или «дефектом юридической техники», возникшим вследствие небрежности законодателя. Каков, по мнению соискателя, объективный критерий разграничения умышленного использования законодателем латентной оговорки (как средства «точечной настройки» и расширения дискреции) и банального просчета правотворческого органа, который привел к необходимости правоприменителю самостоятельно восполнять неочевидные изъятия? Если законодатель не использовал лексемы-сигнализаторы («за исключением», «если иное»), но из системного толкования очевидно, что регулирование иное, является ли это латентной оговоркой или

коллизией? Данный аспект требует дополнительной концептуализации, поскольку на практике именно разграничение скрытой воли законодателя и его ошибки является одной из самых сложных задач для правоприменителя и суда.

Третье. Заслуживает поддержки предложение автора о внедрении точечного мониторинга правоприменения для оценки эффективности отдельных конструкций, включая нормы-оговорки (положение № 6, стр. 16, 173). Однако методика измерения эффективности оценочных норм-оговорок (например, конструкций «уважительные причины», «существенные нарушения») во многом остается декларативной. Как конкретно, на Ваш взгляд, можно измерить уровень «справедливости» или «разумности» в результате дискреционного решения, опосредованного нормой-оговоркой, в рамках точечного мониторинга? Не приведет ли формализация таких оценочных категорий через мониторинг к нивелированию их главного достоинства – гибкости и способности учитывать уникальные жизненные обстоятельства? Каким образом точечный мониторинг может отличить добросовестное расширение субъективного усмотрения, основанное на принципах права, от злоупотребления правом или коррупционного фактора, детерминированного излишней абстрактностью оговорки?

Четвертое. В работе поднимается важная проблема соотношения норм-оговорок с нормами-принципами и нормами-дефинициями. Автор указывает на рискогенный характер использования норм-оговорок в дефинициях, изложенных в виде примечаний (на примере понятия «жилище» в ст. 139 УК РФ) (стр. 130-131). Вместе с тем, автор не дает окончательного ответа на вопрос о том, как следует квалифицировать ситуацию, когда норма-оговорка, содержащаяся в примечании, фактически вступает в противоречие с основным текстом статьи или с иными специальными нормами (например, с Жилищным кодексом РФ). Является ли такое противоречие дефектом самой нормы-оговорки (нарушение принципа монолитности) или это классическая юридическая коллизия между общей и специальной нормой, которая должна

разрешаться по общим правилам теории права? Уточнение этого вопроса позволило бы более четко определить место нормы-оговорки в иерархии правовых предписаний и механизмах разрешения противоречий.

Тем не менее, все изложенные замечания и вопросы носят исключительно дискуссионный характер, не снижают общей положительной оценки исследования и направлены на дальнейшую разработку поднятой автором фундаментальной проблемы. Проведенное Ю.А. Герасименко диссертационное исследование является результатом самостоятельной и целенаправленной научной работы, в ходе которой успешно решена актуальная научная задача в области теоретико-исторических правовых наук. Автору удалось не только сформулировать научную проблему, но и предложить обоснованные пути ее решения, что свидетельствует о высоком уровне научной квалификации диссертанта. Работа демонстрирует зрелость научного мышления, глубокое понимание процессов правового регулирования и умение применять теоретические знания для анализа практических ситуаций.

Учитывая качество проведенного исследования, его актуальность и значимость для развития юридической науки, диссертация Герасименко Юлии Андреевны «Правовые нормы-оговорки в российском законодательстве», является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития юридической науки и практики, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 30 апреля 2025 года № 02-763, приказ

об изм. № 02-1313 от 10.07.2025; приказ об изм. 02-1794 от 17.09.2025; приказ об изм. № 02-01364/001 от 01.07.2026 г.), а Герасименко Юлия Андреевна заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Официальный оппонент:
Заместитель директора Юридического института
Российского университета транспорта по науке,
заведующий кафедрой «Теория права, гражданское право
и гражданский процесс», доктор юридических наук
(12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве), доцент А.Г. Репьев
/ Артем Григорьевич Репьев /

5 октября 2026 г.

Заверяю
Директор ЦКАДС
С.Н. Коржин

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет транспорта»;
127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9;
Тел.: +7 495 274-02-74, доб. 3701 (регистрация корреспонденции);
E-mail: info@rut-miit.ru; tu@miit.ru (регистрация корреспонденции)